

АВТОНОМНАЯ НЕКОММЕРЧЕСКАЯ ОБРАЗОВАТЕЛЬНАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ

«ПЕТЕРБУРГСКИЙ ИНСТИТУТ ИУДАИКИ»

Исторический факультет

К.В. Кордюкова

**Судьба Александра Вата как отражение судеб
польского еврейства в 30-ые — 50-ые годы
XX века**

Выпускная квалификационная работа

Научный руководитель

А. А. Калинин

Санкт-Петербург

2014

Содержание

ВВЕДЕНИЕ.....	3
ОПИСАНИЕ ИСТОЧНИКОВ.....	8
«Мой век».....	8
Литературные произведения.....	11
ГЛАВА I. АЛЕКСАНДР ВАТ.....	12
1.1. Происхождение и отношение к традиции.....	12
1.2. Раннее творчество и обращение к коммунизму.....	17
1.3. Литературное молчание и разочарование в коммунизме. Первый арест.....	20
1.4. Арест и заключение. Приход к христианству.....	22
ГЛАВА II. ЕВРЕИ ПОЛЬШИ В 30 ЫЕ — 50 ЫЕ ГОДЫ XX ВЕКА.....	27
2.1. Историческая справка.....	27
2.2. Еврейские сообщества Польши.....	32
2.3. Статистика: экономика, демография, национальность и идентичность польских евреев.....	36
2.4. Еврейский вопрос.....	39
2.5. Холокост в Польше.....	43
ГЛАВА III. АЛЕКСАНДР ВАТ И ПОЛЬСКОЕ ЕВРЕЙСТВО: СХОДСТВА И РАЗЛИЧИЯ.....	46
ЗАКЛЮЧЕНИЕ.....	51
БИБЛИОГРАФИЯ.....	53
Источники.....	53
Литература.....	54
ПРИЛОЖЕНИЕ.....	58

ВВЕДЕНИЕ

Темой данной работы является судьба Александра Вата как отражение судеб польского еврейства в 30-ые — 50-ые годы XX века.

Александр Ват (настоящая фамилия Хват) — польский поэт, прозаик, публицист, переводчик, эссеист. На сегодняшний день его принято считать основателем польского футуризма. Он родился в 1900 году в Варшаве в достаточно ассимилированной еврейской семье. Изучал филологию и философию в Варшавском государственном университете. С конца двадцатых годов он был связан с левыми марксистскими кругами, являлся редактором ежемесячного литературного журнала, выпускавшегося под надзором польской коммунистической партии. Первое задержание Вата органами НКВД состоялось ещё в 1931 году, в Польше, однако оно не продлилось долго. В 1940 году он был арестован во Львове, провел несколько лет в различных тюрьмах в Советском Союзе (в Москве, в Саратове, в Алма-Ате). В 1946 году, после воссоединения с женой Ольгой и сыном Анджеем, которые была высланы в Казахстан, Ват вернулся в Польшу. В 1953 году А. Ват тяжело заболевает, после чего старается проводить большую часть времени за границей, частично на нелегальном положении, так как не имел визы на проживание там, периодически возвращается в Польшу. В 1963–1965 гг. Ват живёт в Беркли, где регулярно беседует с Чеславом Милошем (его другом и коллегой, польским поэтом и эссеистом), обсуждая самые различные вопросы, собственную судьбу, вопросы веры, истории, литературы. Разговоры в Беркли, записанные на магнитофонную плёнку, станут основой для автобиографической книги А. Вата «Мой век». Эта автобиография является основным источником для написания данной работы. Последние годы жизни Ват проводит в Париже, по-прежнему страдая от неизлечимой болезни. В 1967 году он покончил жизнь самоубийством.

На сегодняшний день личность Александра Вата широко известна не только на его родине, в Польше, но и во всём мире. Современная еврейская община Польши во многом видит в нём символ восточно-европейского еврея

XX века, фигура Вата и его жены стала частью современной популярной культуры Польши¹. Творчество Вата оказало значительное влияние на развитие литературы второй половины XX века, осуществлялись многочисленные переводы на английский язык², другие европейские языки. Известный литовский поэт и правозащитник Томас Венцлова в 1996 году написал монографию, посвященную А. Вату — «Жизнь и искусство иконоборца»³. К выходу в свет на русском языке готовится книга воспоминаний жены поэта, Ольги Ват⁴, под названием «Всё самое важное»⁵. Все эти факты убедительно показывают, что исследование, посвящённое А. Вату, будет являться актуальным на сегодняшний день. В современной России, однако, поэт известен гораздо меньше: как его творчество, так и его судьба, даже несмотря на то, например, что его стихи высоко ценил и переводил на русский язык Иосиф Бродский⁶, и сам Ват был близок русской культуре⁷. До сих пор не существует ни полного издания книги «Мой век» в переводе на русский язык (были опубликованы только некоторые фрагменты⁸), ни собрания его стихотворений (опять-таки, по-русски публиковались лишь отдельные стихотворения⁹). В данной работе совершается попытка вернуть Александра Вата в поле академического интереса современной российской исторической

¹ Например, в 1992 году, на основе мемуаров Ольги Ват, был снят фильм «Самое важное» («Wszystko, co najwazniejsze...»), режиссёр Роберт Глински, получивший несколько премий на Польском кинофестивале. Кроме того, А. Ват упоминается в некоторых современных произведениях польской музыкальной индустрии и литературы (см., например, Ян Полковски, Анжей Стасюк).

² См., например: *Wat A. With the skin.* / Translated and edited by Cz. Miłosz and L. Nathan. — N. Y.: Ecco Press, 1989.

³ Venclova T. Aleksander Wat: life and art of an iconoclast. 1996, New Haven: Yale UP.

⁴ В русском варианте — Оля Ватова.

⁵ Книга начинается со слов: «Всё самое важное в моей жизни связано с Александром».

⁶ «Польские поэты в переводах Иосифа Бродского», журнал "Континент", No. 8, 1976, стр. 7-11.

⁷ В частности, делал переводы русской литературы на польский язык. Подробнее об отношении Вата к России и русской культуре см. дальше.

⁸ Журнал «Иностранная литература», 2006, №5.

⁹ Стихотворения. Пер. Н.Астафьевой // Новая Польша. — 2000. — № 5.

науки, а также открыть для русскоязычного исследователя и читателя его автобиографическое произведение «Мой век».

Целью настоящей работы является изучение судьбы Александра Вата и попытка ответить на вопрос: насколько его судьба является показательной и типичной для судеб польского еврейства этого периода? Естественно, что для достижения этой цели необходимо произвести несколько этапов работы. В первую очередь необходимо изучить собственно биографию Александра Вата, особенно пристально концентрируя внимание на событиях, происходивших с ним в данный период времени. Важно отметить, что нас будут интересовать не только факты биографии, даты и внешние исторические события, повлиявшие на его судьбу, но и его собственные мысли, его реакция на эти события. Это означает, что при анализе источника¹⁰ стоит обращать внимание не только на повествовательную канву, но и на эмоциональные высказывания автора, его размышления на общеисторические и культурные темы, замечания относительно его состояния в тот момент времени, на то, что так или иначе соотносит его с еврейской, польской и советской средой и культурой.

Далее необходимо изучить общее положение польского еврейства в указанный период, выявить его типичные черты. В работе мы планируем сделать акцент на политических симпатиях среди евреев того времени, так как они будут играть важную роль в их судьбах, а также отношении к еврейской традиции, процессу ассимиляции. При этом не стоит оставлять без внимания такие формальные факторы, как экономическое положение евреев Польши, сферы деятельности, характерные для них.

Наконец, следующим этапом работы должно стать проведение сравнительного анализа биографии А. Вата и общей истории польского еврейства указанного периода. Необходимо будет указать, какие характерные черты этой истории присутствуют в биографии Вата, а какие нет, ответить,

¹⁰ Описание источника и его особенностей см. ниже

типична ли его судьба в целом, чем и насколько. Структура данной работы будет строиться именно по этому плану¹¹.

Как уже было сказано, существует ряд исследований, посвященных судьбе и творчеству А. Вата, на английском и польском языках. Изучая их, можно отметить некоторую закономерность. Англоязычные исследования в основном рассматривают Вата как поляка, не принимая во внимание его еврейское происхождение¹². Они занимаются литературными и историческими вопросами, пытаются определить роль Вата как создателя польского футуризма, анализируют особенности его художественного стиля. Его имя упоминается во многих исследованиях, посвящённых футуризму¹³, вопросам соотношения литературы и политики¹⁴, в хрестоматиях и поэтических сборниках. Ват как историческая фигура для большинства англоязычных исследователей — типичный представитель польской интеллигенции, соответственно, его биография, отношения с властью, анализируется именно исходя из этого фактора.

Для польских исследователей так же важен творческий аспект его судьбы (что закономерно, учитывая, какую роль он сыграл в польской литературе) и положение, в котором он оказался в данную историческую эпоху¹⁵. Очевидно, что польские исследователи не могут полностью игнорировать еврейское происхождение А. Вата, так как оно повлияло на восприятие, прочтение его произведений во второй половине XX века. При этом сегодняшний читатель, как и исследователь литературы, претендует на некоторую объективность, то есть сводит на нет важность фактора происхождения и воспитания Вата в

¹¹ См. Содержание.

¹² См., например *Barańczak, St.* Four Walls of Pain: The Late Poetry of Aleksander Wat. — *The Slavic and East European Journal*. — 1989. — Vol. 33, no. 2— Pp. 173–189.

¹³ *White J. J.* Literary futurism: aspects of the first avant-garde. — Oxford: Clarendon Press, 1990. Или *Markov V.* Russian Futurism: a history. — Berkeley: University of California Press, 1968.

¹⁴ *Berghaus G.* Futurism and Politics: Between Anarchist Rebellion and Fascist Reaction, 1909-1944. *Political Science*. — New York: Berghahn Books, 1996.

¹⁵ *Zajęzkowski R.* Aleksander Wat's "Leap from Poetry into Politics." — *The Polish Review* — 2005. Vol. 50, no. 4. — Pp. 399–423.

попытке обратиться исключительно к созданным им текстам. Таким образом, не отрицая наличия этого фактора и того, что он был важен для польских литературных кругов в 70–80-ые годы, современные исследователи в своих работах не делают на нём акцент.

Как ни странно, подобная же тенденция, только с другим вектором, существует среди израильских учёных. Большинство проводит анализ литературных работ Вата как «еврейского футуриста», пытаясь выявить его схожесть с другими поэтами-футуристами еврейского происхождения этого периода¹⁶. В частности, много пишет об этом А. Ливнат, в своей статье «Нож в живот: о футуризме в польско-еврейской среде»¹⁷.

На русском языке исследований, посвящённых Вату, очень немного. Стоит выделить, пожалуй, работы В.В. Мочаловой, написавшей несколько статей¹⁸, прямо или косвенно посвящённых Александру Вату. Именно она старается максимально полно отразить и проанализировать феномен еврейско-польского поэта, учитывая и его происхождение, и исторические особенности эпохи, и основываясь на литературном наследии А. Вата. Настоящая работа стремится развивать и дополнять исследования В. Мочаловой, возможно, в более широком историческом контексте, и основываясь в большей мере на автобиографии «Мой век», чем на поэтических произведениях Вата.

¹⁶ Юлианом Тувимом (1894-1953), Бруно Ясенским (1901-1938). См., например, статьи В. Мочаловой или םדע ן פגיס ן כריך גלותי

לבנת, א. ן סכין בבטן: על פוטוריזם בזירה הפוליטית-יהודית. בצלאל, מס' 19 (2011).

¹⁸ Мочалова В. Александр Ват: 13 Тюрем. // Смольянинова М.Г. (ред.) Деятели Славянской Культуры в Неволе и о Неволе: XX Век. — М.: Индрик, 2006. — С. 165–182.

ОПИСАНИЕ ИСТОЧНИКОВ

«Мой век»

Основным источником, то есть текстом, на анализе которого базируется данная работа, для нас стала автобиография Александра Вата «Мой век». Книга выросла из магнитофонной записи бесед Александра Вата и Чеслава Милоша в 1964–1965 годах в Беркли, где Милош преподавал литературу, а Ват с семьёй жил по приглашению Центра славянских и восточноевропейских исследований Калифорнийского университета. Разговаривали Милош и Ват в основном польски. Такие беседы немного продолжались и в Париже. Позже эти аудиозаписи при участии Ольги Ват, жены поэта, были переведены в печатный текст. Некоторые главы (XXIII, XXIV, XXV, частично XXVIII) были отредактированы самим Ватом.

Эта книга, сборник воспоминаний и рассуждений, принадлежит к совершенно особенному жанру. Сам автор даёт ей подзаголовок «устные мемуары». Процесс создания книги наложил свой отпечаток на её содержание. Чеслав Милош выступает в ней «идеальным слушателем», собеседником Вата, он изредка задаёт вопросы, чтобы сформировать русло беседы, не слишком далеко отходить от первоначально заданной темы. При этом книгу определённо нельзя назвать сборником интервью. В первую очередь потому, что эта беседа двух близких друзей, людей, связанных общими интересами, общим культурным кодом, что создаёт неформальную атмосферу, делает речь живой и дружелюбной, часто эмоциональной. Сам Ч. Милош пишет об этом так: «Очень важным и благоприятным обстоятельством было то, что мы с ним принадлежали к одному культурному сообществу, хотя и к разным его формациям: он — 20-х годов, я — 30-х. ... Ему не нужно было в ходе разговора что-то разъяснять, вдаваться в подробности — это сразу нарушило бы течение его мысли. Я почти не перебивал его вопросами и задавал их только тогда, когда необходимо было подтолкнуть собеседника к новому монологу»¹⁹.

¹⁹ *Vat A.* Мой Век: устные мемуары, фрагменты книги. / Пер. Н. Каменевой; вступ. ст. Ч. Милоша. // Иностранная Литература. — 2006. — №5. — <http://magazines.russ.ru/inostran/2006/5/vat5.html>

Важно обратить внимание на то, в чём в этом контексте заключалась задача редактора текста. Вновь обратимся к тому, как это видел сам Ч. Милош: «Не скрою, действовал я в интересах будущего историка — я с самого начала сказал себе: не нам решать, что он сочтет важным, а что нет. Именно поэтому мы бережно сохранили язык в том виде, в каком он звучал тогда в варшавской интеллектуальной среде, этим же объясняются многочисленные повторы слов, фраз, возврат к одним и тем же событиям — ведь нечто повторяемое снова и снова предстает каждый раз в ином свете»²⁰. Примечательно, что уже тогда этот текст рассматривался как будущий исторический источник, живое свидетельство истории. Вероятно, так считал не только Милош, но и сам Ват видел перед собой задачу описать то, чему он был свидетелем, чтобы сохранить это.

При этом важно принимать во внимание то состояние, в котором Ват находился во время создания этих записей. Его тяжёлое заболевание длилось к тому моменту уже тринадцать лет, он страдал от сильнейших головных болей, принимал лекарства, близкие к наркотическим. Всё это, безусловно, влияло на его изложение. Примечательно, что он сам упоминает об этом: «...все это не позволяет мне быть уверенным, что картина, возникающая из моих слов, правдива даже в той степени, в какой она может сохраниться в памяти спустя несколько десятилетий. Возникают уже не обычные искажения, которые производит время, но очень специфические искажения, то есть прежде всего мои субъективные искажения»²¹. Эта фраза, на наш взгляд, многое говорит нам о степени осознанности повествования Вата. Текст содержит различные упоминания, свидетельствующие о субъективности и избирательности этих воспоминаний, их зависимости от свойств личности автора, его памяти.

Спектр тем, который Ват затрагивает в ходе этих бесед, достаточно широк. Он уделяет много внимания не только собственной судьбе, но и

²⁰ Ibid.

²¹ *Wat A. My Century: the odyssey of a Polish intellectual.* / Edited by R. Lourie. — Berkeley: University of California Press, 1988. — Т. 1. — P. 37.

истории литературы, политическим, историческим, моральным вопросам. Он описывает атмосферу времени, мысли, типичные для его среды в тот период, что немаловажно для нашего исследования. Нередко Ват подробно останавливается на отдельных личностях, с которыми сводила его судьба (это и обычные заключённые в тюрьмах, и чиновники, и следователи, и литераторы). Сам автор, пусть иногда рефлекторно, неосознанно, в этой автобиографии пытается ответить на вопросы, близкие нашему исследованию: каковы его отношения с Польшей, с Россией, с коммунизмом, с религией, с эмиграцией, с еврейской традицией, с ассимиляцией.

Таким образом, автобиография А. Вата «Мой век» как исторический источник обладает несколькими особенностями, которые важны для нашей работы. В первую очередь это её субъективность. В нашем случае, если сохранять критический подход к источнику, не полагаясь на него полностью в изложении фактов, этот фактор можно считать положительным, так как он позволяет познакомиться с личностью, которая нас интересует, на основе речи от первого лица. Другими особенностями можно назвать непоследовательность повествования и редактуры этого произведения.

Литературные произведения

Помимо книги «Мой век» Александр Ват оставил значительное литературное наследие — поэтическое, прозаическое, эссе и переводы, а также дневниковые записи. Так как данная работа не представляет собой лингвистическое исследование, эти работы не будут находиться в центре нашего внимания. Однако, на наш взгляд, не стоит полностью пренебрегать ими. Так, сам факт того, что Ват в разные периоды своей жизни переводил классическую русскую литературу на польский язык²², может многое сказать нам о его отношении к русской культуре и русскому литературному наследию (кроме очевидного указания на то, насколько хорошо он владел русским языком).

В нашей работе мы иногда будем также ссылаться на отдельные стихотворения²³, так как в них самих, используемых словах и метафорах, а также в темах, которые они затрагивают, зачастую можно найти подтверждение тем фактам, о которых пойдёт речь в нашем исследовании. Кроме того, важными для определения его роли в обществе и поэтической среде, нам представляются его статьи, посвящённые футуризму, такие, например, как манифест «Примитивисты — народам мира и Польши».

Значительную роль для понимания отношения Вата к политической ситуации в Польше 30-ых годов, а также к месту религии в этом обществе, будет играть анализ его повести «Безработный Люцифер» (“Bezrobotny Lucyfer”). Она была впервые опубликована в Варшаве в 1927 году в составе сборника рассказов А. Вата.

²² В частности, ему принадлежат переводы: “Братьев Карамазовых” Достоевского (1928), “Анны Карениной” Толстого (1929), “Нови” Тургенева (1954), рассказов Чехова (1956), “Бесприданницы” Островского (1954), “Вассы Железновой” Горького (1951), прозы Короленко (1952), Эренбурга (1927, 1933, 1935), Гайдара (1951-1957) и др.

²³ См. авторский перевод нескольких стихотворений А. Вата в разделе «Приложение»

ГЛАВА I

АЛЕКСАНДР ВАТ

Происхождение и отношение к традиции

Приступая к описанию судьбы Александра Вата, стоит, прежде всего, сказать несколько слов о его происхождении. Ват связан с известным еврейским родом, в котором были знаменитых ученые и мудрецы, каббалисты, а также поэты. Среди его предков — один из самых знаменитых комментаторов Библии, духовный лидер еврейства Северной Франции, раввин Шломо Ицхаки, или Раши, живший в 1040–1105 гг. в Труа, который известен также как литургический поэт (в его поэтическом наследии — так называемые пиюты — “Пиютей Раши”). Внук Раши, Яков бен Меир Там (1100–1171, Труа), знаменитый еврейский ученый своего времени и лидер своего поколения, также писал пиюты, в которых очевидно влияние провансальской, испанской, франко-германской поэзии. Среди предков Вата — также выдающийся мистик XVI в., создатель одного из основных течений в каббале, называемой по его имени лурианской, — Ицхак бен Шломо Ашкенази Лурия (ха-Ари, 1534–1572). Знаменитый Элияху бен Шломо Залман (Виленский Гаон, ха-Гра, 1720–1797), знаток и толкователь еврейского религиозного закона, лидер литовского еврейства был прадедом поэта²⁴.

Сам Ват, конечно, был осведомлён о своём происхождении. Об отношении к своим предкам в «Дневнике без гласных»²⁵ он пишет: «...в моем старении и все более глубоко в моем естестве я чувствую себя евреем, далеким потомком философа XI века из Труа, Раши, комментатора Библии, потомком поколений раввинов, из касты жрецов, и мои руки складываются в жесте жреческого благословения»²⁶. Более того, он много размышлял о нём, о природе своего еврейства, о том, на какое место в обществе ставит его

²⁴ *Ват А.* Мой Век: устные мемуары, фрагменты книги. / Пер. Н. Каменевой; вступ. ст. Ч. Милоша. // Иностранная Литература. — 2006. — №5.

²⁵ Об этом произведении см. ниже.

²⁶ *Wat A.* Dziennik bez samogosek. — London: Polonia, 1986. — S. 300–301.

принадлежность к еврейскому народу, что она значит для него с религиозной точки зрения. Но стоит отметить, что в различные периоды его жизни отношение Вата к этой теме претерпевало значительные изменения.

Семья Вата в конечном счёте была ассимилированной еврейской польской семьёй, хотя отец поэта ещё соблюдал многие еврейские традиции. Сам Ват вспоминает об этом так: «Мой отец был хасидом²⁷, но он, вероятно, не хотел, во всяком случае, совершенно не заботился о том, чтобы дети пошли по его стопам. Он знал, что это невозможно. И никогда не предпринимал никаких усилий такого рода. Мой старший брат ещё изучал иврит и даже знал Гемару. Но другой брат, который старше меня на десять лет — сейчас он в Брюсселе, — не знает даже того, что я. В сущности, безбожная семья. Брюссельский брат входил в ПСП. Сестра, когда я был маленьким, посещала театральные курсы. Я смотрел на евреев, как антисемит: грязные халаты, торгашество, деньги. В общем, антисемитское детство. Только потом, в студенческие годы, я почувствовал какую-то национальную солидарность».

Из этого высказывания можно сделать вывод, что в детстве еврейская составляющая не была основной в воспитании Вата. Его знания еврейской традиции и истории были неглубоки, как признаёт он сам. Учитывая это, на наш взгляд, не стоит преуменьшать значимость влияния детских впечатлений от религиозной жизни отца на А. Вата.

Можно с уверенностью утверждать, что в судьбах всей его семьи нашли отражение различные аспекты польской истории. Его дед и брат деда принимали участие в восстании 1863 г.²⁸, отец и сестра — в событиях 1905 г.. Один из братьев Вата погиб во время Второй Мировой Войны в лагере в Треблинке, другой, художник, — в Освенциме. Сам же Ват испытал на себе все ужасы жизни в тоталитарную эпоху, в том числе среди обвинений, предъявленных ему после ареста, были и обвинения в сионизме.

²⁷ Можно предположить, что под словом «хасид» Ват здесь имеет в виду просто человека, соблюдающего еврейский религиозный закон.

²⁸ *Wat A. Dziennik bez samogosek.* — London: Polonia, 1986. — S. 302.

В определённом смысле Ват находился в некой пограничной ситуации. Существовая между миром еврейской, польской и русской культуры, ему приходилось непрерывно осмыслять себя, процесс самоидентификации проходил у него всю жизнь. Это же состояние придаёт некоторую внутреннюю конфликтность его произведениям и открывает в них дополнительные измерения читателям, знакомым со средой, из которой он вышел.

Его тексты, особенно ранние, явно обращены к польской аудитории (и по содержанию, и по форме — так как написаны на польском языке) и не предполагают никакого специального «еврейского» взгляда на них. Одним из признаков попытки отказаться, «сбежать» от своего еврейства, можно рассматривать и тот факт, что Ват взял псевдоним, сменив по-еврейски звучащую фамилию «Хват» на более простую и подходящую поэту-поляку — Ват. Более же поздние записи содержат уже гораздо больше отсылок, например, к текстам Ветхого Завета и к ритуалам еврейской традиции.

Интересным с точки зрения изучения отношения Вата к еврейской традиции может стать его «Дневник без гласных». Это текст 1963–1964 гг., периода, когда он жил в Беркли. Возможно, он служил своего рода черновиком, подготовительным материалом к беседам с Ч. Милошем. Этот текст написан только согласными буквами. Жена поэта, Ольга Ват, после смерти Вата расшифровала его и дала ему название «Дневник без гласных». Она затруднилась однозначно ответить на вопрос, почему же эти записи были сделаны в такой странной графической форме. Возможных объяснений может быть несколько. Таким образом мог ускоряться процесс записи, или же это могла быть символическая попытка зашифровать достаточно личные переживания непростого периода его жизни. Ещё одна версия, что таким образом поэт на символическом уровне пытался отобразить состояние болезни, в котором пребывал. Гласные могут обозначать дыхание, то есть живое слово, а их отсутствие — страдание, невозможность говорить. Возможно, однако, и ещё одно объяснение. Оно будет особенно очевидно для читателей, знакомых с графическими нормами еврейского языка (где пишутся только согласные). Ват,

должно быть, знал эту особенность и вполне мог подражать ей. Это кажется тем более вероятным, учитывая, что в «Дневнике без гласных» содержится достаточно много размышлений на еврейские темы.

Так, например, он пишет: «У меня вообще нет греха гордыни, он, видимо, мне чужд... Но на старости лет я нашел в себе это неумное чувство и ловлю себя на том, что я горжусь своим еврейством и ничто, что когда-то было еврейским, мне не чуждо, и чем больше проходит времени, тем громче оно говорит во мне: я существую, я слежу, чтобы ты остался мне верен»²⁹. Интересно отметить, что Ват употребляет слова «остался... верен». Значит ли это, что он был верен своему еврейству на протяжении всей жизни? Далее мы увидим, что, по крайней мере, в религиозном смысле — нет.

Почему же Ват в последние годы жизни гордился своим еврейством? Ощущал ли он на себе польский антисемитизм? Как относился к нему? Вот, что говорит он сам: «Польская земля не хочет евреев, она их отталкивает и колет. Помимо социально-этнических причин антисемитизма, несомненно, более сильных, чем где-нибудь еще, здесь есть и чуждость, враждебность земли, не хочет она носить Агасфера, преследователей Иисуса Христа»³⁰.

Эта разновидность антисемитизма, о которой упоминает Ват, определяется как будто некоторыми безусловными факторами. Она исконная, нежелание видеть евреев идёт даже не от отдельных людей, но от самой польской земли. Эту же разновидность антисемитизма Ват чувствовал и позднее, уже в эмиграции, где стремился бежать от польского мира. Он многие годы стремился не жить в Варшаве и различными путями, даже нелегальными, находиться на Западе. Сам он об этом пишет так: «В конце мы оказались там же, где и Тувим — тогда, солидаризируясь с побежденным польским

²⁹ *Wat A. My Century: the odyssey of a Polish intellectual.* / Edited by R. Lourie. — Berkeley: University of California Press, 1988 — Т. 2. S. 87

³⁰ *Ibid.* — Т.2. S. 41.

обществом, я не понимал его фобии. Но здесь — бежать от Польши. Я являюсь и всегда был евреем-космополитом, говорящим по-польски, и все»³¹.

Несомненно, последнее заявление довольно эмоциональное, и прямо противоречит его позиции в юношеском возрасте, когда он провозглашал себя польским поэтом и певцом новой Польши. Эта перемена многое говорит нам об изменении отношения Вата к еврейской традиции и к своему происхождению.

Надо сказать, что не избежал Ват и советской формы антисемитизма — государственной. Среди обвинений, предъявленных ему при аресте в 1940 году, фигурировала также сионистская деятельность.

³¹ Ibid. — Т.2. S. 44.

Раннее творчество и обращение к коммунизму

Первые литературные опыты и публикации А. Вата состоялись в 1919 году. В тот период он сблизился с кружком молодых поэтов, чувствовавших необходимость, потребность в обновлении поэтического языка. Вернувшийся из России в 1919 году поэт Бруно Ясенский (1901–1938) привёз оттуда моду на футуризм. Он собрал вокруг себя несколько начинающих литераторов, в числе которых был Ват. В 1921–1925 годах он был редактором авангардистских журналов «Новое искусство» и «Альманах нового искусства». Как признаёт он сам, от практической политики все они в тот момент были далеки: «...Хочу сказать, что мы, конечно, существовали не в пустоте. Если говорить обо мне, то, как я помню, социальные проблемы меня не очень интересовали. Моя голова была набита совсем другим: Ницше, Кьеркегор, Штирнер и бог знает что еще, так что коммунизм и социализм меня скорее отталкивали. Существовал какой-то эмоциональный порыв, *feeling*, и, прежде всего, конечно, интеллектуальная потребность полного обновления»³². Как мы видим, сближение с левыми для этой прослойки было скорее случайностью, или, по крайней мере, неким душевным выбором, импульсом, а не рациональным взвешенным решением.

Обратимся вновь к словам самого Вата: «В социальных и политических вопросах мы были циниками. Социализм мы представляли себе как доктрину, как некий идеал. А своим врагом считали коллективизм, да-да, именно коллективизм с его жесткой регламентацией, требованием законности. Мы же хотели беззакония. Мы видели русскую революцию, видели, как сто пятьдесят миллионов человек на огромном пространстве крушат абсолютно все, что существовало до них, иначе говоря, проводят в жизнь то, о чем Маяковский писал еще до революции: можно начать все сначала и делать по-своему. Для нашего интеллигентского сознания не существовало ничего более заманчивого.

³² *Ват А.* Мой Век: устные мемуары, фрагменты книги. / Пер. Н. Каменевой; вступ. ст. Ч. Милоша. // Иностранная Литература. — 2006. — №5.

Во что выльется коммунизм, еще было неясно»³³. Из этих слов следует, насколько наивными были представления молодых польских интеллигентов о политической реальности, окружавшей их, и насколько неглубоки были их знания.

Причинами своего обращения к коммунизму Ват называет общую необходимость верить во что-то, своего рода религиозный голод. Он говорит: «...в 1928 году начался мой коммунизм. Что случилось? Поглупел. Очень простая история. Не выдержал атеизма и нигилизма. ... Я бросился в объятия единственной имевшейся веры»³⁴.

В 1926–1931 гг. Ват был главным редактором ежемесячного литературного журнала «Месенчик литерацки». Журнал выходил тиражом пять тысяч экземпляров и имел огромное влияние. По существу, он был единственным коммунистическим изданием для интеллигенции. При этом его литературные достоинства Ват оценивал весьма низко, так как писатели, публиковавшиеся этом журнале, составляли очень узкий круг, «гетто», как пишет Ват. «Как литературная группа мы потерпели сокрушительное поражение. Мы не только не расширили свое влияние, а почти его утратили, я, например, как поэт, сам себя закупорил».

Интересной с точки зрения анализа отношения А. Вата к окружавшей его реальности может служить его повесть «Безработный Люцифер», увидевшая свет в 1927 г. Её сюжет призван показать, что в современной действительности дьяволу нет места, нет работы, поскольку люди уже не нуждаются в его услугах, чтобы творить зло, и прекрасно справляются с этим сами, значительно превосходя его возможности и воображение. Люцифер последовательно посещает (Ват здесь как бы осматривает панораму современной действительности), предлагая свои услуги, редакцию журнала «Смерть богам», мастерскую знаменитого изобретателя, глав медицинского общества и нефтяной компании, биржевого короля и председателя спортивного клуба, кафе

³³ Ibid.

³⁴ Ibid.

поэтов — «логово анархии». Он беседует с ученым-историком и знаменитым журналистом, министром обороны и продавцом сигарет, директором цирка и дивой мюзик-холла, с епископом (который не выдал ему «тайны католической церкви о том, что Бог давно объединился с дьяволом, что их примирило наличие общего противника — человечества»³⁵), но везде оказывается ненужным, лишним. Он уже готов совершить самоубийство, но в итоге становится киноактёром («Мы все его знаем. Это Чарли Чаплин»³⁶ — такими словами заканчивается повесть).

Здесь мы можем увидеть всю разочарованность Вата в современной ему социальной системе, а возможно, и некую тоску по религии, вере, или, по меньшей мере, по времени, когда она была необходима.

³⁵ *Wat A. Bezrobotny Lucyfer.* — Warszawa: F. Hoesick, 1927. — S. 45.

³⁶ *Ibid.* — S. 50.

Литературное молчание и разочарование в коммунизме. Первый арест.

Несмотря на успех выпускаемого им журнала, Ват чувствовал упадок его творческих способностей. «Я как поэт сам себя закупорил», говорит он об этом периоде.

В начале сентября 1931 года («в еврейский праздник Нового Года» — уточняет Ват) редакцию журнала арестовали. Однако заключение и допросы не продлились долго, и через несколько недель всех отпустили. Журнал был закрыт, но его создатели предпринимали безуспешные попытки создать новый, похожий журнал ещё почти в течение десяти лет. Это всё указывает на те трудности, с которыми сталкивалась Польская коммунистическая партия в то время. А. Ват, по его утверждению, принимал участие в этих попытка вплоть до 1936-го года, но уже без особого энтузиазма, почти не веря в коммунистическую идею. Преобладающим настроением в руководстве партии было, видимо, беспокойство по поводу советской внешней и внутренней политики, однако это мало волновало рядовых граждан.

Вот как Ват рассказывает об этом периоде: «Роспуск — по приказу Москвы — Польской коммунистической партии не произвел на меня особого впечатления, другое дело — аресты и гибель друзей и хороших знакомых. Ликвидировали буквально всех, и это, разумеется, было ужасно. Мы сразу узнавали, кого взяли, кого собираются судить как агентов польской разведки. Разгар кампании пришелся на 1937-й. А первые аресты поляков в России — это 1936-й, 1937-й. Некоторых вызвали в Москву в 1938-м, но очень многие сидели уже давно»³⁷. Это был переломный момент в сознании многих польских коммунистов, хотя и не всех.

Но Ват произвёл ревизию своих убеждений ещё раньше, достаточно быстро по сравнению со многими его ровесниками и коллегами. По его собственному признанию, решающим толчком к этому послужили не аресты близких, а понимание того, что такое коллективизация. «...вот тут я прозрел

³⁷ *Vat A.* Мой Век: устные мемуары, фрагменты книги. / Пер. Н. Каменевой. // Иностранная Литература. — 2006. — №5. — <http://magazines.russ.ru/inostran/2006/5/vat5.html>

окончательно и бесповоротно, так что и без всяких процессов понимал, что к чему»³⁸.

Ват утверждал, что после этого «прозрения» уже не испытывал иллюзий по поводу собственной судьбы. Он оказался между Сциллой и Харибдой — коммунизмом и фашизмом. «После пакта Молотова-Риббентропа мне сразу стало ясно — речь идет о разделе Польши. Я понял, что будет война... Позже во Львове я понял: либо русские меня арестуют и отправят на Лубянку и в лагерь, либо заберут немцы, и дело тоже кончится лагерем. Дахау или другим. А может, как-нибудь проскочу. Но адская машина и на этот раз сработала четко. Два года назад в газете “Политика” напечатали списки тех, кого, по постановлению правительства, собирались отправить в Березу Картускую: сплошь интеллигенция, всего шесть или семь писательских имён, и среди них — мое. В общем, оказалось, что я повязан крепко, и даже не двойным узлом, а тройным»³⁹.

Всё это привело Вата к невозможному выбору: оставаться коммунистом, уже не веря в его идеалы и видя, что он направлен на «уничтожение внутреннего человека», его свободы, или быть антикоммунистом, что было уже невозможно в тех условиях, где Польша фашизировалась и была враждебна ему лишь из-за его происхождения. Ответом Вата в этой ситуации «выбора без выбора», в положении «полной мировоззренческой пустоты», стало молчание. Молчание как политическое, так и литературное, творческое. С 1935 или 1936 года Ват перестал писать, а сборник 1927 года, куда вошла повесть «Безработный Люцифер», надолго, вплоть до 1964 года, остался его последней опубликованной работой.

³⁸ Ibid.

³⁹ Ibid.

Арест и заключение. Приход к христианству

24 января 1940 во Львове Александр Ват был арестован органами НКВД. История его ареста, как он сам её характеризует, «демоническая», а на современный взгляд скорее театральная. Арест был произведён по наводке одного из коллег и друзей Вата, во время вечеринки в ресторане. Сотрудники НКВД были переодеты официантами и приглашёнными гостями хозяина вечера. В тот вечер был задержан не только Ват, но и другие польские интеллигенты, писатели и журналисты, например, его коллега Бруно Ясенский.

В течение нескольких месяцев Ват находился в тюрьме Львова. Заключение стало тяжёлым испытанием для него, привыкшего к комфортной городской жизни. Вначале он ещё связывал с образом политического заключённого некоторые романтические ожидания, думая, что тюрьма закалит его, сделает крепче, выносливее и сильнее характером. Но Ват быстро осознал, что основное, на что направлено заключение такого рода — это сломать человека, «лишить его малейших признаков самостоятельной личности»⁴⁰. Его жена с сыном в тот момент ещё находились в городе, он потерял с ними связь, только когда был переведён в Киев.

В своих устных мемуарах Ват много описывает заключение, условия содержания в тюрьмах, людей, с которыми ему приходилось там сталкиваться. По его собственным подсчётам, он побывал в тринадцати тюрьмах в Советском Союзе. Что характерно, не только самые жуткие, но и самые сильные светлые эмоции, по его признанию, связаны у него с заключением.

Даже во время пребывания в тюрьмах «еврейская тема» не оставляла его. Он вспоминает несколько характерных эпизодов, показывающих отношение поляков к евреям в условиях заключения. «Слышал, как Ленц-Ленчевский, другой наш юнец, но такой — весь из себя, с аристократическими замашками, говорит: «Снова нам этого еврея подсунули». И я провалился в сон, не знаю, как на его слова отреагировали другие. Только зарегистрировал услышанное в

⁴⁰Wat A. *My Century: the odyssey of a Polish intellectual*. / Edited by R. Lourie. — Berkeley: University of California Press, 1988— T. 1. S. 163

сознании, но, так сказать, без обратной связи: ничего не ощущая. Меня это не расстроило, не заинтриговало»⁴¹. Мы видим, что существовавший антисемитизм эмоционально мало затрагивал Вата, хотя и имел место.

На основании показаний коллег-литераторов о разговорах, которые в 1939 году они вели с Ватом в Варшаве, ему было предъявлено обвинение во враждебном отношении к Советскому Союзу. Его преступление квалифицировали то как троцкизм, то как сионизм, один раз даже как агентурную деятельность в пользу Ватикана. Следствие было прервано, и в октябре 1940 года Вата перевезли в Киев.

Позднее он был переведён в Москву, на Лубянку. Там условия существования были значительно мягче, его делом занимался специальный «польский отдел». Период заключения на Лубянке Ват вспоминает как «интеллектуальный», так как там же находились под следствием многие образованные люди, врачи и философы, учёные и литераторы. Он проводил время в разговорах с ними, читал лекции по польской истории и литературе сокамерникам, даже пользовался библиотекой. Ват много рассуждал о польском и русском народе, их истории, достижениях, национальном характере. Все достижения современной русской гуманитарной науки, а он обращал внимание и на литературоведение, и на философию, и на психологию, казались ему устаревшими. «Не только Дунаевский с его Марром, но и Виктор Шкловский не пошел в лингвистике дальше Соссюра»⁴².

Перед началом военных действий Ват вместе с другими заключёнными был эвакуирован в Саратов. Там начался процесс его обращения к христианству. Надо сказать, что Ват, никогда до этого не будучи религиозным человеком, на протяжении всей жизни ощущал некую религиозную жажду, заменяя веру то литературой, то коммунизмом.

Ещё во Львове он ощутил своё отличие от польских заключённых. «Сначала я был единственным евреем в камере, потом появился еще один. Но

⁴¹ Ibid. – Т.1. S. 180

⁴² Ibid. – Т.1. S. 193

не в этом дело. Я был исключен из числа верующих. Они молились, славили Матерь Божью. А я, не принадлежавший к их сообществу, страшно им завидовал. Сидел в углу и плакал, хотя я не из тех, у кого глаза на мокром месте»⁴³.

Ват уже давно ощущал себя далёким, отказавшимся от иудаизма человеком. Лучше всего о его убеждениях в тот период говорит он сам: «Иудаизм как религия в самом деле исчерпал себя. Он своё дело сделал: из него вышло христианство. Правда, есть хасидизм, попытка обновления закостеневшего, сухого иудаизма, из которого все возможные выводы уже сделаны и который космологически стал миру не нужен. Я имею в виду не современный мир, а мир как сущность. Но хасидизм — это попытка обновления иудаизма за счёт гностицизма, мистики, то есть влияний, совершенно ему чуждых. Кроме того, у меня отсутствовала почва для иудаизма»⁴⁴.

Корни своей очарованности внешней, эстетической стороной христианства Ват видит ещё в детстве: «Уже тогда среди моих родственников были выкресты. То ли дядя, то ли кузен моей бабушки стал каноником в Вене. Так что никакого религиозного воспитания я не получил. Религию я просто игнорировал... Лет в семь или восемь я уже был наивным дарвинистом и атеистом, но... няня Ануся водила меня тайком на вечернюю службу в костел, и это на меня повлияло. Представь себе ребенка из какой-никакой, но все же еврейской семьи, а там свечи, музыка»⁴⁵.

Важно сказать, что христианство Вата и тогда, когда он пришёл к нему в одной из камер Саратовской тюрьмы, после тяжёлой болезни, было скорее эстетическим, чем догматическим. Ему казалась красивой, благородной сама концепция Спасителя и Воскрешения. Он пишет об этом так: «я твердо знал и

⁴³ *Vat A.* Мой Век: устные мемуары, фрагменты книги. / Пер. Н. Каменевой. // Иностранная Литература. — 2006. — №5. — <http://magazines.russ.ru/inostran/2006/5/vat5.html>

⁴⁴ Ibid.

⁴⁵ Ibid.

ни минуты не сомневался, что человечество не создало ничего более прекрасного и возвышенного, чем *лик* Христа. Я говорю «лик», потому что вспомнил Розанова «*Темный лик Христа*». Забавный контраст. Розанов, выросший в православии, его не любил, меня же, еврея, сына хасида, притягивал сам Его образ, Христос как явление».

Важным нам кажется также эпизод встречи с ортодоксальным, соблюдающим иудеем в больнице Саратова. Уже тогда Ват обратился к христианству. Он долго и так тяжело болел, что его отправили в больницу, где он оказался в одной палате с Дубиным, латвийским евреем, сенатором независимой Латвии, лидером латвийской общины. Он продолжал соблюдать законы иудаизма и в заключении, отказывался подписывать протокол допроса в субботу, так как заповедь запрещает евреям писать в Шаббат. Он соблюдал кашрут даже в тюрьме, то есть фактически не ел ничего, кроме хлеба, дрался с охранниками, когда его пытались кормить искусственно, из-за чего был истощён до полусмерти, и его отправили в больницу. Его лечащим врачом в больнице был также еврей, поэтому Дубин ел приготовленную им пищу. В это время в Саратове был страшный голод.

По утверждению Вата, этот человек сыграл большую роль в его судьбе, хотя они встретились только в больнице, где много разговаривали, а после никогда не пересекались. Представляется важным, что эти беседы настолько запомнились поэту. Они обсуждали законы иудаизма, возможность их соблюдения сегодня. «Я ему не сказал о моем обращении, — пишет Ват, — не то что хотел скрыть, но просто — как ему объяснить? Я бы не сумел. Он думал, что я атеист, и все хотел обратить меня в иудаизм. По-отечески. Раз мой отец этого не сделал, он хотел сделать вместо него»⁴⁶.

Примечательно, что по утверждению Вата, он не чувствовал себя противостоящим этому человеку, не ощущал потребности что-то доказать ему. «Я слушал его с огромным вниманием. Несмотря на мое христианство, пылкое,

⁴⁶ *Wat A. My Century: the odyssey of a Polish intellectual.* / Edited by R. Lourie. — Berkeley: University of California Press, 1988— Т. 2. S. 60.

можно сказать, как у крестоносцев, я не ощущал никакой дисгармонии между нами»⁴⁷.

В конце 1945 года Александра Вата освободили из заключения. Его главной задачей было найти потерянных жену и сына, для чего он отправился в Казахстан. Там он получил помощь от польского представительства, работал, и после многих усилий нашёл Ольгу и Анджея, которые приехали к нему в Алматы. Некоторое время они прожили там, в бедности, общаясь с интеллигентным русским кружком (Зощенко, Шкловским), после чего в 1946 году вернулись в Польшу.

Дальнейшая судьба поэта Александра Вата выходит за рамки нашего исследования, а кроме того мы уже приводили краткую биографическую справку во введении. Напомним только, что впоследствии Ват уехал из Польши и жил в эмиграции в основном во Франции.

⁴⁷ Ibid.

ГЛАВА II.

ЕВРЕИ ПОЛЬШИ В 30-ЫЕ — 50-ЫЕ ГОДЫ XX ВЕКА

Историческая справка

Эта глава представляет собой поле для дальнейшего исследования, в ней мы попробуем поговорить, о тех проблемах и вопросах, что сопутствовали жизни польского еврейства в указанный период и попытаемся произвести её краткий обзор. Естественно, что поставленная перед нами задача в этой работе предполагает предельно узкое рассмотрение темы — описание жизни еврейского общества в 30-ые — 50-ые годы XX века, чтобы затем попытаться понять, доступными нам методами, насколько судьба А. Вата являлась типичной для судеб польского еврейства. Это не означает, однако, что нам не придётся периодически выходить за пределы обозначенной темы и говорить о внутренних историографических проблемах, возникающих при описании этого общества. Для решения этой задачи определённо необходимо начать с общей исторической справки об истории Польши в указанный период.

Данный период в истории Польши достаточно многообразен и сложен для описания, его изучение требует анализа многих факторов, которые оказывали влияние как на Польшу в целом, так и на её еврейское население в частности. Мы попробуем начать с краткого обзора истории Польши с тем, чтобы затем иметь возможность верно сформулировать вопросы, стоящие перед историком, изучающим положение евреев в Польше.

30-ые — 50-ые годы в истории Польши можно разделить на несколько исторических периодов. Первый из них это существование Польской Республики или Второй Речи Посполитой. Формальным началом истории II Речи Посполитой считается 11 ноября 1918 года, когда польские отряды разоружили немецкий гарнизон в Варшаве, и вернувшийся из немецкого плена национальный лидер Польши Юзеф Пилсудский принял военную власть из рук Регентского совета Королевства Польского. Три дня спустя (14 ноября 1918 года) Пилсудский принял на себя также гражданскую власть, а сам Регентский совет и Временное народное правительство Польской Республики решили

наделить Пилсудского полномочиями временного правителя. 11 ноября 1918 года ежегодно празднуется как день независимости Польши.

Первую половину двадцатых годов можно назвать периодом роста Польской Республики, расширения её границ. Версальский мирный договор в 1919 году передал Польше большую часть германской провинции Позен, а также часть в Померании, что дало стране выход к Балтийскому морю. В 1922 году после референдума, проведённого в Верхней Силезии, на котором часть жителей (поляки) высказались за вхождение в состав Польши, а часть (немцы) предпочли жить в Германии, Лига Наций сочла разумным разделить этот регион на части, в соответствии с предпочтениями жителей. Восточная часть образовала автономное в составе Польши Силезское воеводство.

В 1919 году началась советско-польская война, которая фактически была проиграна Советской Россией, и по Рижскому мирному договору 1921 года западная часть украинских и белорусских земель отошла к Польше. На конференции послов 28 июля 1920 была согласована южная граница Польши. Тешинская область была разделена между Польшей и Чехословакией. В октябре 1920 года польские войска захватили часть Литвы, в том числе Вильнюс. Его присоединение к Польше было одобрено 10 февраля 1922 региональной ассамблеей. В 1926 году после государственного переворота в Польше был установлен авторитарный санационный режим во главе с Юзефом Пилсудским. Был создан концентрационный лагерь в Берёзе-Картузской, прошёл Брестский процесс над оппозиционерами, был объявлен вне закона Лагерь Великой Польши, а также Национально-радикальный лагерь, были введены ограничения свободы печати и собраний.

15 июня 1931 года СССР и Польша заключили Договор о дружбе и торговом сотрудничестве, а 25 января 1932 года подписали Договор о ненападении. А 26 января 1934 года Польша и Германия подписали Пакт о ненападении сроком на 10 лет.

В апреле 1935 года, незадолго до смерти Пилсудского, в Польше была принята новая Конституция, в которую вошли основные принципы Санации:

сильное централизованное государство с президентской системой правления. Эта Конституция значительно расширила президентские полномочия, оппозиционные партии были лишены возможности выдвигать своих кандидатов в депутаты. Такие изменения привели к тому, что в 1936 году произошел серьезный раскол во внутренней политике: леволиберальная часть парламента потребовала учитывать мнения оппозиционных партий, правительственные группы потребовали формирования более жесткого правительства.

Можно сказать, что в период существования Польской Республики она становится первым и, возможно, самым ярким примером послевоенной эмансипации и одним из самых популярных и драматических примеров триумфа национального принципа. Польша, утратившая независимость в конце 19-го века, сохранила свои национальные традиции в наиболее сильном своем сословии — шляхте, идеи суверенности польской земли и национальной независимости. За время существования в качестве части Российской Империи поляки предпринимали неоднократные попытки восстаний, и сохраняли свою отдельную польскую этническую идентичность и претензию на независимость.

Всё это во многом стало причиной тех националистических тенденций, как в польском, так и в еврейском сообществе, о которых нам предстоит говорить.

В марте 1939 года начинается следующий этап истории Польши. 21 марта Германия потребовала от Польши передать ей вольный город Данциг, вступить в Антикоминтерновский пакт и открыть для неё «польский коридор». Польша отвергла все требования Германии. 23 марта Германией была занята без боя литовская провинция Мемель, находившаяся совсем вблизи польских границ. 26 марта 1939 года посол Польши в Германии, Ю. Липский, привез в Берлин письменный меморандум о согласии Польши со строительством автострады, но без права экстерриториальности.

28 марта Гитлер разорвал Пакт о ненападении с Польшей. 23 августа подписан Договор о ненападении между Германией и Советским Союзом, в прилагавшемся к нему секретном дополнительном протоколе стороны договорились о разделе сфер обоюдных интересов в Восточной Европе.

После нападения на Польшу 1 сентября 1939 года нацистской Германии правительство Польши во главе с президентом Игнацием Мосцицким бежало из страны в Румынию и было интернировано румынскими властями по требованию Германии. 17 сентября 1939 СССР направил свои войска в восточную часть безвластной Польши, населённую преимущественно непольским населением. В конце сентября 1939 года было сформировано и до 6 июля 1945 года признавалось многими странами законным продолжателем II Речи Посполитой правительство Польши в изгнании, а также подчинённая ему администрация в оккупированной Польше — Польское подпольное государство и его политические и военные структуры.

17 сентября в Польшу вошли советские войска и заняли Западную Белоруссию, Западную Украину, а также Виленскую область. 27 сентября Варшава пала. 5 октября капитулировало последнее крупное польское соединение — группировка генерала Клееберга.

При очередном разделе Польши территории Западной Украины и Западной Белоруссии были присоединены к Украинской ССР и Белорусской ССР. Проживавшие на этих территориях поляки в 1939—1941 годах были частично депортированы в Казахстан⁴⁸ и Сибирь. Виленская область была передана Литве. Германия получила этнически польскую территорию. На остальных территориях, получивших название «Генерал-губернаторство», была организована оккупационная администрация.

На бывших территориях Польши, полностью оккупированных немцами, был запрещён польский язык, закрыта вся польская пресса, арестовано почти всё духовенство, закрыты все польские вузы и средние школы, ликвидированы польские культурные учреждения. Велась планомерная политика по замене

⁴⁸ Куда была выслана и жена Александра Вата Ольга с сыном.

польских названий, уничтожалась польская интеллигенция и госслужащие. Всего в ходе Второй мировой войны Польша потеряла более 20 % своего населения — около 6 млн человек.

Поражение немцев в Белоруссии в июне-июле 1944 года создало предпосылки для скорого освобождения Польши. Вместе с частями Советской армии к границам Польши продвигалась и 1-я армия Войска Польского под командованием З.Берлинга. 20 июля Красная армия пересекла «линию Керзона», а уже на следующий день был создан «Польский комитет национального освобождения», руководимый коммунистами (Люблинский комитет), взявший на себя при советской поддержке функции временного правительства. При том что именно «лондонское» правительство в изгнании было легитимным представителем польской государственности.

Так как части Красной армии подходили к Варшаве, то по приказу «лондонского» правительства 1 августа в Варшаве началось восстание, с целью освободить Варшаву до прихода советских войск. Тем временем немцы перешли в контратаку под Варшавой, и Рокоссовский (за несколько часов до начала восстания в Варшаве) был вынужден отдать приказ наступавшей на город 2-й танковой дивизии перейти к обороне. Немцы жестоко подавили восстание, на 70 % уничтожив город и его жителей. Наступление Красной армии возобновилось 12 января 1945 года. 17 января Варшава была освобождена Красной армией, а к началу февраля была освобождена от немцев почти вся Польша.

Еврейские сообщества Польши

Если говорить о еврейских сообществах Польши в данный период, то необходимо принимать во внимание тот факт, что евреи не были однородной сплочённой группой внутри польского общества. Они существовали в самых разных экономических и социальных слоях, бытовых условиях, политической реальности. По существу, мы не можем говорить о некой единой еврейской группе, а должны указать на всё многообразие еврейского сообщества Польши. Возникшую проблему, в частности, исследует Эзра Мендельсон в своём труде «Евреи Восточной Европы в межвоенный период», на который мы будем опираться и в дальнейшем.

Мендельсон говорит о частом несоответствии границ государств и границ еврейских сообществ, а также о необходимости рассматривать в рамках Польши сразу три отдельных по своим экономическим и культурным параметрам сообществ: жителей Креси, Центральной Польши и Галиции.

В бывшей Галиции евреи составляли 9.3 % населения, и представляли собой в основном мелкую буржуазию и пролетариат. Сильны были в Галиции традиционные общественные устои, евреи жили в штетлах, был распространён Хасидизм. Стоит заметить однако, что, равно как и Россия, Галиция служила оплотом не только традиционной культуры, но и движения Гаскалы. При этом галицийские евреи жили в сравнительно благоприятных бытовых условиях. После эмансипации в 1867-ом году евреи пользовались равенством прав, возможностью обучаться в австро-венгерских школах и университетах. Несмотря на это галицийское еврейство не было богатым, многие из них страдали от нищеты, что и послужило одной из основных причин массовой миграции в Новый Свет. С демографической точки зрения Галицию можно разделить на две части — западную, с центром в Кракове, в которой евреи составляли единственное заметное национальное меньшинство, и восточную, куда более густо и разнообразно населённую часть, в которой помимо евреев и поляков существовал также сильный украинский элемент. Среди последних в конце 19-го века возникло собственное сильное националистическое движение.

Националистическая вражда между поляками и украинцами представляла опасность и для евреев, которые оказывались между этими крайностями и обладали при этом выраженными пропольскими настроениями.

Более 50% всех польских евреев жили в Центральной Польше. Этот регион был гораздо более урбанизированным и развитым, а количество евреев, проживавших в небольших городах, было там гораздо меньше. В двух крупнейших городах региона — Варшаве и Лодзи — обосновался класс, которому не было аналогов в Галиции: крупные индустриальные предприниматели, которые были ведущей силой как в индустриализации Польши, так и в полонизации местного еврейства. Как и в западной Галиции, в Центральной Польше евреи были основным национальным меньшинством среди поляков, и, несмотря на то что до Первой мировой войны Польша управлялась из Санкт-Петербурга, польское еврейство было ориентировано преимущественно на польскую культуру. Одновременно с небольшим, хотя богатым и политически активным полонизированным еврейством, в регионе существовал многочисленный ортодоксальный сектор. В нем особенно силен был Хасидизм. Одна из самых влиятельных хасидских династий, династия гурских ребе, сделала своей резиденцией небольшой городок под Варшавой. В отличие от Галиции, Гаскала никогда не обладала большой силой в этом регионе. Модернизированная элита чаще всего переходила напрямую на польский язык и воспринимала польскую культуру, тогда как массы оставались в своем закрытом идишском мире. Две крайности в коренном еврейском населении представляли собой группы ультраортодоксов и сторонников полной ассимиляции. Идеи еврейского национализма и сионизма, позднее всколыхнувшие регион, попали сюда вместе с литовскими евреями, привлеченными широкими экономическими возможностями региона. Они ориентировались не на польскую, а на российскую имперскую культуру, и потому им оказались чужды идеи полонизации, равно как и идеи ультраортодоксального хасидизма. Нельзя сказать, что попытки еврейского мира полонизироваться всегда оставались безуспешными и непризнанными,

так, например, евреи принимают участие в антироссийском восстании 1863 г, но в начале 20-го века, как мы уже упоминали, польский национализм обостряется. Конечно, неверным будет утверждать, что поляки видели евреев своими соперниками в борьбе за земли, свободу и независимость. Евреи казались им скорее помехой в достижении идеальных целей польской нации⁴⁹.

Ситуация в регионе Креси отличалась массой черт, непохожих ни на Галицию, ни на Центральную Польшу. Во времена Российской империи Креси дольше всего находилась внутри черты оседлости, и сами евреи, с большей или меньшей географической точностью, называли этот регион «Литвой», а евреев, проживавших в нем, — «литваками». Литва стала оплотом борьбы с распространяющимся Хасидизмом, дав миру течение протестующих, рациональных талмудистов — «митнагдим» (или «миснагед» в идишском произношении). Главный центр литовского еврейства, город Вильнюс, называемый также Литовским Иерусалимом, стал также важнейшим центром русской Гаскалы. Здесь же с самого начала их существования, оказались сильны сионистские и национальные еврейские движения. Так, один из главнейших участников будущей политической жизни евреев, партия БУНД была основана в Вильно в 1897-ом году. В отличие от центрального региона, местная элита предпочитала поддерживать не пропольские, а национальные еврейские движения, что, возможно, вызвано, отсутствием единой центральной культуры в регионе.

Несмотря на то что исторически в этом регионе господствовали поляки, их культурное влияние было сильно ослаблено влиянием литовцев, белорусов, украинцев и русских, которые присутствовали в регионе наравне с поляками. В период господства Российской империи евреи ориентировались преимущественно на русскую культуру, и потому к моменту возникновения польского государства большая часть местных евреев владела как разговорными языками лишь русским и идишем. В результате Первой мировой

⁴⁹ *Mendelsohn E.* The Jews of East Central Europe between the World Wars. — Bloomington: Indiana University Press, 1983. — P. 25.

войны литовское еврейство оказалось разделено среди четырех государств: Литвы, Латвии, Польши и СССР.

Наиболее интересующий нас регион — центральная Польша —сохранял свои различия с остальными регионами в течении всего межвоенного периода, хотя в рамках одного государства они обладали тенденцией к сближению.

Статистика: экономика, демография, национальность и идентичность польских евреев

В период между двумя мировыми войнами в Польше производилось две переписи — в 1921 году и в 1931 году. В соответствии с первой переписью к 1921 г. в Польше проживало 2 855 318 евреев (по религиозной принадлежности), то есть 10,5% от всего населения. К 1931-му году процентное соотношение уменьшилось, несмотря на общий прирост населения. Евреи в тот момент составляли 9,8% общего населения, при его количестве 3 113 933 человек. В основном евреи проживали в крупных городах, составляя в них значительную часть населения. Это относится как к крупным городам центральной Польши (Варшава — 352 659 человек, т.е. 30.1%), так и к Галиции (Львов — 99 595 человек, т.е. 31.5%, Краков — 56 515 человек, 25.8%), и к Креси (Вильно — 55 006 человек, 25.2%).

Несмотря на сильную тенденцию к урбанизации, значительная часть еврейского населения оставалась, так сказать, местечковой. Так, в центральной Польше 80.9% евреев проживало в городах, а 19.1% в местечках, но в остальных регионах эта пропорция несколько изменена в пользу местечек. В Галиции, например, 75.8% евреев жили в городах и 24.2% в местечках, в Креси же в местечках жили 38.5% евреев.

Подавляющее большинство евреев было занято в сферах торговли, ремесел и различных индустрий. К 1921-му году 41.3% был занят в сфере торговли и 34% работали на заводах. Основным отличием статистики 1931-го года стало изменение соотношения работающих в этих двух сферах, так к 1931-му году 42.2% работают в индустриальной сфере и 36.6% в сфере торговли. Это, довольно значительное, изменение свидетельствует о постепенном обеднении еврейского населения Польши и победе крупных предпринимательств над мелкими. О жизни польских местечек того периода пишет, например, Р. Ренц, которая рассказывает, что около 80% всех торговых точек в местечках принадлежало еврейским торговцам. Часто возникали конфликты с властями, поскольку еврейские купцы торговали в обязательный

выходной день — воскресенье. Товарообмен в местечках практически полностью был в руках мелких торговцев, прибыли которых едва хватало на содержание семей. Все торговцы жаловались на отсутствие дешевого кредита и трудности с его получением. В тридцатых годах 46% крупных еврейских торговцев получали кредиты от кредитных кооперативов, 28% — от частных дисконтеров, 9% — от коммунальных сберегательных касс, 8% — от частных банков, 6% — от касс беспроцентного кредитования и 3,5% — от государственных банков. Мелкие торговцы банковскими кредитами не пользовались. 50% из них получали кредиты от беспроцентных касс. 20% — от кредитных кооперативов, 15% — от частных дисконтеров и 5% — от коммунальных сберегательных касс. Из этого следует, что мелким местечковым торговцам кредит предоставляли главным образом беспроцентные кассы благотворительного характера. Эти кассы создавались еврейскими организациями из различных фондов, которые образовывались из завещанных сумм и имущества, благотворительных пожертвований и, наконец, из помощи, поступавшей от еврейских организаций Соединенных Штатов Америки. Они сыграли очень важную роль в годы великого кризиса, позволив избежать разорения большому числу беднейших торговцев. В 1937 г. действовало около 750 таких еврейских касс⁵⁰. При всех обвинениях, возможно вполне обоснованных, в еврейском доминировании в польской экономике, само сообщество оставалось относительно бедным.

Помимо ремёсел, работы на фабриках и торговли, евреи занимались также и интеллектуальным трудом и были заняты такими традиционными профессиями, как медицина, которой занималось 4 488 человек, что составляло 56 % от всех врачей в Польше, юриспруденцией (6 454 — 33.5%), издательским, газетным и библиотечным делом (1 350- 22%) и преподаванием (13 320 -43.3%).

⁵⁰ Подробнее см. Ренц Р. Евреи польских местечек. — <http://www.berkovich-zametki.com/2014/Zametki/Nomer4/Sokol1.php>

Существует еще один интересный фактор, доступный для исследования благодаря опросам. Вопрос о характере понимания евреями своего еврейства. Абсолютное большинство евреев выявлено благодаря опросу, определяющему евреев по религии, гораздо меньшее количество людей оказалось евреями по национальности. Так, в опросе 1921-го года 2 033 637 человек утверждало, что они евреи по национальности, что составляет лишь 73.76% от числа евреев по религии. Однако последний показатель также не дает окончательного ответа на вопрос о точном количестве евреев, поскольку оставались также евреи, принявшие другую религию и назвавшие другую национальность, которых данные опросы не выявляют. В этом разрыве между евреями по национальности и евреями по религии проявляется действие идей Гаскалы, в соответствии с которыми можно было «быть немцем на улице и евреем дома». Можно было быть немцем Моисеева вероисповедания. В переписи 1931-го года 7.8% евреев называют своим родным языком иврит, что, безусловно, не соответствует истине, но даёт нам возможность увидеть примерное количество сионистов в сообществе на тот момент. Как уже упоминалось выше, межвоенный период отличается сильным всплеском политической активности евреев, что объясняется во многом окружающим общину антисемитизмом, о чем мы попробуем поговорить в следующей главе.

Еврейский вопрос

Еврейский вопрос, то есть вопрос о правовом и социальном положении еврейских общин в различных странах, является весьма сложным и многогранным. Поскольку в данном исследовании нас интересует положение евреев исключительно на территории Польши, то мы постараемся не сильно выходить за рамки именно польской истории и не погружаться в историю вопроса в попытке обозначить его.

Борьба наций, возникших как популярная идея лишь в конце 19-го века⁵¹, представляет собой главный сюжет истории всей Европы после Первой мировой войны, и Польши в частности. Формирующиеся государства понимали свое право на формирование как волю нации. Однако понятие нации оставалось весьма расплывчатым, и неудивительно, что в многонациональных по своей природе регионах вспыхивали межнациональные конфликты, часто затрагивавшие евреев. С другой стороны, конфликт между евреями и окружающими народами, и соответственно еврейский вопрос, обладает куда более древней историей, чем история национальных конфликтов. Определить его природу сейчас кажется нам весьма проблематичным. Возможно, он как-то объясняется через цивилизационный исторический подход. То есть следует понимать конфликт евреев и окружающих его народов как конфликт сначала античной, а затем и западной (христианской) цивилизаций с еврейской. Тема эта требует отдельного серьезного изучения и глубочайших знаний, потому мы оставляем наше замечание лишь на правах возможной гипотезы, говорящей о природе национального вопроса. Возвращаясь к национальной терминологии, следует сказать, что наибольшая терпимость к евреям проявлялась в регионах с большим количеством национальностей и меньшинств, хотя и там периодически вспыхивали конфликты, случались антиеврейские погромы. Для более наглядной демонстрации еврейского вопроса в обозначенный период приведём выдержки из ряда документов эпохи:

⁵¹ См., например *Хобсбаум Э. Нации и национализм после 1780 г.* (Eric Hobsbawm. Nations and Nationalism since 1780.). — СПб.: Алетейя, 1998. — С. 23–29.

«Я тщательно изучил еврейский вопрос в Польше и я убежден, что организованное еврейство в этой стране сознательно антипольское. Еврейская пресса ежедневно оскорбляет польское правительство и народ и призывает на них все мыслимые проклятия. Следует помнить, что местные евреи не просят равноправия, но требуют избирательного предпочтения. Они требуют освобождения от военной службы, освобождения от некоторых налогов, отдельных судов, в которых в некоторых случаях должны судить в соответствии с еврейским законом, и отдельных школ за счет государственного бюджета, не контролируемых правительством, в которых все предметы будут преподаваться на идиш или иврите. Для достижения этих целей они готовы прибегать к любым средствам, способным выставить поляков в невыгодном свете»⁵².

«Еврейская проблема существует, и будет существовать до тех пор, пока евреи остаются евреями... Это факт, что евреи противостоят католической Церкви, что они идут в авангарде атеизма, большевизма и революционной деятельности. Это факт, что они оказывают пагубное влияние на общественную мораль и что принадлежащие им издательства распространяют порнографию. Это правда, что евреи — мошенники и ростовщики, и что они причастны к распространению проституции. Это правда, что с религиозной и этической точки зрения еврейская молодежь оказывает в наших школах негативное влияние на молодежь католическую. Следует избегать отрицательного морального влияния евреев, избегать их антихристианской культуры, а особенно — бойкотировать еврейскую прессу и аморальные еврейские публикации. Но нельзя нападать, оскорблять, избивать и калечить евреев. Нужно чтить и любить евреев как людей и наших соседей... Если милость Господня просвещает еврея, и он искренне принимает Спасителя, с радостью примем его в ряды нашей христианской паствы. Избегайте

⁵² Hugh Gibson Papers; Hoover Institution, Stanford, CA. Box 100, letter of November 10, 1922.

тех, кто подстрекает к насилию против евреев. Они служат пагубному делу"». ⁵³

Документы эти, как нам кажется, довольно внятно иллюстрируют напряженность в отношениях между евреями и поляками. Первый отрывок представляет собой выдержку из отчета Хью Гибсона (Hugh Gibson), посланника США в Варшаве, Госдепартаменту «о еврейском вопросе в Польше», в ноябре 1922 г. 1920-тые годы принято считать временем расцвета еврейской дипломатии, как, впрочем, и дипломатии мировой, вызванной завершением военных действий и необходимостью обсуждения прав побеждённых и победителей. Евреи в этой связи всегда оказывались несколько в стороне. В евреях были заинтересованы различные политические силы, благодаря чему, по крайней мере на бумаге, в новообразовавшемся государстве было установлено равенство прав между евреями и остальными национальностями. Однако своих важнейших целей, о которых частично говорит и Гиббсон, им добиться не удалось.

Принцип создания национальных государств устанавливал право народа на землю и самоуправление на своей земле, и евреи не видели причины, по которой они также не могли бы претендовать на национальную автономию. Однако для разных людей еврейская автономия означала разное. Наиболее общее определение заключалось в стремлении самостоятельно организовать свою национальную жизнь на основе публичных фондов. На практике это должно было означать создание образовательных учреждений на еврейских языках, и, если говорить более широко, создание официального еврейского демократического представительства в польском парламенте. Первый план был выполнен лишь частично с массой ограничений. Так, евреям было разрешено создать ивритоязычные школы, но при условии, что аттестат этих школ не будет приниматься в государственных университетах, что естественным образом привело к тому, что школы оставались непопулярными. Попытка создать еврейское демократическое представительство в парламенте

⁵³ *Hlond A. Na strazy sumienia narodu.* — NJ: Ramsey, 1951. — Pp. 164–165.

увенчалось чуть большим успехом. В том же 1922 году был организован Блок Национальных Меньшинств Польской Республики, в который вступили практически все крупнейшие организации евреев, немцев, украинцев, белорусов и русских. В результате объединения сил национальным меньшинствам Польши удалось достичь безусловного успеха. БНМ занял 2-е место в целом по стране. Евреи смогли провести 17 депутатов сейма и 4 сенаторов по спискам Комитета объединенных национальных еврейских партий в Восточной Галиции и Национально-еврейского союза в Западной Галиции, а также 1 депутата в Варшаве от Еврейской народной партии (фолькистов).⁵⁴ Кроме того, евреи создали самую большую фракцию в парламенте — 37 человек и 11 сенаторов. Однако Блок оказался непрочным. Интересы в основном урбанизированного еврейского населения часто противоречили аграрным интересам украинских и русских крестьян. Польское правительство внимательно следило за процессами, происходящими в парламентских фракциях меньшинств, и стремилось по мере возможности не допустить их консолидации, проводя дифференцированную политику в отношении каждого из них. Заигрывания правительства с еврейской фракцией привели к постепенному её разрыву с остальными и распаду Блока⁵⁵.

Все эти попытки были сведены на нет изменением политической ситуации в Польше, ростом государственного национализма, а позже — началом Второй Мировой Войны.

⁵⁴ См., например, *Rzeczony T. i W. Sejm i Senat 1922–1927*. — Poznań, 1923. S. 516–518.

⁵⁵ Пашкевич А.В. Взаимоотношения представительств евреев и славянских национальных меньшинств в парламенте межвоенной Польши в 1922 — 1927 гг. // Материалы Двенадцатой Ежегодной Международной Междисциплинарной конференции по иудаике. Ч. 2. — Москва: Сэфер, 2005. — С. 138–149.

Холокост в Польше

Говоря об истории Польши и польского еврейства в 30-ые — 50-ые годы, невозможно обойти вниманием тему Холокоста. Как мы уже знаем, Катастрофа европейского еврейства не коснулась лично Александра Вата, однако, безусловно, стала ключевой точкой в истории евреев Польши. В этом разделе мы считаем осмысленным ограничиться перечислением фактов о Холокосте на территории Польши, не претендуя на их анализ.

21 сентября 1939 года началось изгнание евреев с польских и других территорий, присоединенных к Германии. С октября 1939 года по март 1940 года из Гданьска, Западной Пруссии, Познани, Верхней Восточной Силезии, Вены и Моравска-Остравы в район Люблина было выселено около 95 тыс. евреев. В дальнейшем евреи были изолированы в гетто, крупнейшим из которых было Варшавское гетто, где находилось одновременно до 500 тысяч человек.

С февраля 1942 года после Ванзейской конференции начались массовые убийства евреев на территории Польши. Первым лагерем смерти был Хелмно, открытый в декабре 1941 года. Крупнейшими лагерями смерти в Польше стали Освенцим, Треблинка, Майданек, Белжец и Собибор. В ходе Операции Рейнхардт с июля 1942 года по октябрь 1943 года в трёх лагерях смерти (Белжец, Собибор и Треблинка) были убиты свыше 2 млн евреев и около 50 тысяч цыган из пяти округов генерал-губернаторства. Последнее гетто на территории генерал-губернаторства (в городе Кельце) существовало до августа 1944 года, когда его жителей депортировали в Освенцим.

В июле 1942 г. начались массовые депортации из гетто Варшавы в лагерь смерти Треблинка. До 13 сентября 1942 г. были депортированы или погибли в гетто 300 тыс. евреев Варшавы. В гетто города Лодзь содержалось до 160 000 евреев. Это гетто было уничтожено постепенно: первая волна депортаций в Хелмно происходила между январём и маем 1942 года, затем ряд последующих депортаций в Хелмно и другие лагеря, а 1 сентября 1944 года оно было окончательно ликвидировано. Еврейское население Люблина было отправлено

в лагерь уничтожения Белжец. В марте 1942 г. в Белжец были переведены евреи из всего Люблинского воеводства, начали прибывать также поезда с жертвами из Западной Украины. Из Львова в марте 1942 г. были отправлены в Белжец около 15 тыс. евреев, а в августе — еще 50 тыс. Из Кракова в июне и октябре 1942 г. большинство евреев было отправлено в Белжец. В сентябре 1942 г. большинство евреев Радома, Кельце, Ченстоховы и других городов Восточной Польши было отправлено в Трешлинку.

Существовали отряды сопротивления и народные отряды самообороны. В Центральной Польше действовало 27 еврейских и 13 смешанных партизанских отрядов, в которых евреи составляли не менее трети. Масштабы партизанского движения в Польше были значительно меньше, чем на территории СССР, поскольку бежавших из гетто евреев часто убивали местные националисты, а к тому времени, когда на территории Польши развернулось мощное партизанское движение, большинство евреев было уже уничтожено.

Историческим событием стало восстание в Варшавском гетто под руководством Мордехая Анелевича. Повстанцы почти месяц (с 19 апреля до 16 мая 1943 года) сражались с регулярными частями СС. Подпольные организации в других гетто также оказывали вооружённое сопротивление депортациям и организовывали нападения на немецкие объекты. Единственным за всю историю войны успешным восстанием в лагере смерти Собибор 14 октября 1943 года командовал лейтенант Александр Печерский, его заместителем был сын польского раввина Леон Фельдхенгер.

Местное польское население, с одной стороны, активно участвовало в уничтожении евреев, польские националисты организовывали жестокие погромы, выдавали скрывавшихся евреев. С другой стороны, были люди, помогавшие евреям, а польское правительство в изгнании даже создало для этой цели на территории оккупированной Польши специальную подпольную организацию «Жигота», во главе его стояла София Козак.

Из польских евреев во время Холокоста выжило около 380 тысяч, то есть около 15% еврейского населения. 25 тысяч спаслись в Польше, 30 тысяч

вернулись из лагерей принудительного труда, а остальные, как Александр Ват, вернулись из СССР. После 1946 года в Польше осталось около 50 тысяч евреев.

Однако и после окончания войны евреи вновь подверглись гонениям. Нежелание поляков возвращать присвоенное во время войны еврейское имущество и конфликты с новой властью, в рядах которой были и евреи, вызвали очередную волну антисемитских настроений и нападений на евреев. Крупнейшей из антисемитских акций был погром в Кельце 4 июля 1946 года. Этот погром послужил сигналом для волны массовой миграции евреев из Польши. Если в мае 1946 года из Польши уехало 3500 евреев, в июне — 8000, то после погрома в течение июля — 19 000, в августе 35 000 человек. Изгнание евреев следует, однако, рассматривать в контексте общей этнической чистки, проходившей в стране. Лозунг «Польша для поляков» к концу 1940-х гг. стал не просто стремлением, а свершившимся фактом.

ГЛАВА III.

АЛЕКСАНДР ВАТ И ПОЛЬСКОЕ ЕВРЕЙСТВО: СХОДСТВА И РАЗЛИЧИЯ

В настоящей главе мы постараемся провести сравнение судьбы одного конкретного человека, поэта Александра Вата, и общих мест в судьбах польского еврейства 30-ых — 50-ых годов XX века. Как уже говорилось выше, главным вопросом для нас будет: насколько типична судьба А. Вата? Мы постараемся понять, что в ней среднестатистическое, а что уникально.

Естественно, что для сравнения нам будут нужны избранные параметры, так как в одной работе невозможно охватить всё многообразие еврейской жизни в Польше этого периода, да и судьбы одного индивида в частности. В качестве таких параметров мы предлагаем следующие:

- Происхождение
- Род занятий
- Условия жизни
- Отношение к религии, традиции, национальной принадлежности
- Отношение к политике (политическим течениям)

Естественно, что кроме этих факторов, мы сравним также основные события в жизни Александра Вата и посмотрим, насколько их разделили евреи Польши.

Можно утверждать, что родился А. Ват в традиционной, типичной для того времени семье. Его отец, как мы уже знаем, принадлежал к течению Хасидизма, которое было если не преобладающим, то широко распространённым на территории Польши, и в то же время являлся умеренным польским консерватором по своим политическим пристрастиям. Они жили в крупном индустриальном городе, как и большинство еврейского населения. Нельзя считать удивительным и то, что отец Александра не слишком заботился о воспитании его в лоне еврейской традиции. Мы можем увидеть в этом влияние с одной стороны движения Гаскалы и пример принципа «еврей дома,

немец на улице» (в данном случае — поляк на улице), а с другой — процесс ассимиляции, неизбежно происходившей с евреями, жившими в крупных городах, бок о бок с поляками. Часто этот процесс был вызван желанием самих евреев слиться с местным населением, иногда, как в случае А. Вата, происходил естественным путём.

Род занятий А. Вата можно назвать не самым обычным для еврейского жителя Варшавы, как и принадлежность к интеллигенции в целом. Как мы знаем, евреи занимались в основном торговлей или работой на индустриальных предприятиях. В среде польских националистов-антисемитов существовал определённый миф, который гласил, что евреи захватили большинство печатных изданий в стране и посредством их ведут пропаганду еврейского национализма (а иногда и коммунизма). Этот миф, однако, не подтверждается статистическими данными, которые говорят нам, что процент евреев среди журналистов был не так высок. А тем более процент журналистов среди евреев. Нам кажется, что профессию Вата скорее можно назвать типичной для молодого польского интеллигента двадцатых годов. Эти молодые люди, закончив гуманитарные факультеты, занимаясь сочинительством, будучи амбициозны и талантливы, видели себя в журналистике. Они считали, и Ват вместе с ними, что таким образом могут изменить общественное мнение и весь мир, который их окружал, совершить нечто новое, как и литературе, так и в жизни.

Любопытно отметить, однако, что Ват в этой среде был не единственным человеком еврейского происхождения. Его коллеги и известные литераторы, Ю. Тувим и Б. Ясенский, так же имели еврейские корни. Это может служить индикатором того, что существовала всё же некоторая прослойка еврейской интеллигенции, которая видела себя в роли публицистов и создателей обновлённой Польши. Можно предположить, что такая преданность национальным польским интересам была своеобразной реакцией на польский антисемитизм и национализм, была вызвана неким желанием оправдаться, сделать что-то для польской нации, чтобы она приняла их. Мы, однако, не

имеем достаточно фактов, подтверждающих это предположение, так что оставим его в качестве возможной гипотезы.

Следующим пунктом сравнения будет экономический показатель. Надо сказать, что А. Ват, видимо, родился в достаточно благополучной и обеспеченной семье. Например, и он, и его братья получили высшее образование. Даже будучи журналистом и не получая на этой работе особенно большие деньги, он с женой жил достаточно комфортно, в собственном доме в Варшаве. По воспоминаниям жены Вата Ольги вплоть до его ареста в 1940 году, когда во всей Варшаве уже были трудности с лекарствами и иногда продовольствием, они не испытывали особенных финансовых затруднений, и она даже могла уехать за границу в тот момент, но не желала оставить мужа. Всё это отличает Вата от большинства еврейского населения Польши, которое было достаточно бедным и проживало в стеснённых условиях. Стоит принимать во внимание, однако, что Ват жил в крупнейшем городе Польши, где уровень жизни был в любом случае выше, чем в более мелких городах, и тем более местечках.

Отношение к религии, традиции и национальности будет следующим пунктом нашего анализа. Как мы помним, Ват не был религиозным иудеем ни в один из периодов своей жизни. Что было не подавляющим, но и не самым редким явлением в еврейской среде. Как уже упоминалось, в разные периоды жизни его отношение к еврейству менялось: в юности он говорит о себе практически как об антисемите, по крайней мере, человеке, имеющем некоторые нелицеприятные стереотипы относительно того, что представляет собой традиционный еврей. Со временем он стал равнодушен к этому факту, как в тюрьме и после, а к концу жизни стал уделять ему гораздо больше внимания, размышлять об этом и даже, возможно, гордиться своим происхождением.

Важно отметить, что польский и советский антисемитизм Ват испытывал на себе в полной мере на протяжении всей жизни. И во время работы журналистом, и в тюрьме, и вернувшись в Польшу после войны, и даже в

эмиграции. Для поляков он был евреем, для русских он был и евреем и поляком одновременно, врагом вдвойне.

По нашему мнению, обращение Вата в христианство можно назвать естественным шагом для человека в его ситуации. Он не переходил из иудаизма в христианство, так как никогда не был иудеем. Вернее будет сказать, что он перешёл в христианство из коммунизма. Если продолжить сравнение с основной частью еврейского населения Польши, то процент подобных случаев был весьма невелик.

Политические симпатии Вата были характерны как для польского интеллигента, так и для еврейского интеллигента. К поддержке коммунизма, как и многие его ровесники, Ват пришёл почти случайно, эмоциональным образом, инстинктивно надеясь на некое обновление жизни, свободу. Стоит отметить, что он разочаровался в нём относительно быстро, опередив в этом многих своих коллег. Существует устойчивый миф, будто евреи поголовно поддерживали коммунистическое движение. Положение евреев Польши в этот период между двумя мировыми войнами можно условно сравнить с положением евреев Российской империи во время гражданской войны, когда они оказались между двумя борющимися силами, каждая из которых считала их предателями. Так и в Польше евреи оказались, по поэтическому выражению Вата, «между Сциллой коммунизма и Харибдой фашизма». При этом польское общество не хотело и было не готово их защищать.

Конечно, основным отличием судьбы Вата от судеб почти 85% польского еврейства будет то, что он не погиб во время Холокоста на территории Польши. Парадоксально, но его спасла советская тюрьма. Показательно также то, что он с женой мечтал вернуться в Польшу, когда они находились в Казахстане. Но родина встретила их настолько холодно, что спустя небольшое время, как и многие другие евреи, вернувшиеся в Польшу, они предпочли уехать в эмиграцию и оставаться там до конца жизни.

В заключении данной главы можно сказать, что по нашему мнению, исходя из всех перечисленных факторов, судьбу Вата можно назвать типичной,

но не для большинства еврейского населения Польши, так как оно было разнородно, а для представителя небольшой прослойки — польской еврейской интеллигенции. Конечно же, она сильно отличалась, например, от судеб евреев — жителей местечек, или работников торговли. Но всё же такая группа существовала, несмотря на сравнительное небольшое количество подобных людей. Они сочетали в себе как традиционные польские элементы, так и еврейские. И их судьбы, в целом, должны быть похожи на судьбу Александра Вата.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Данная работа, посвящённая польскому поэту еврейского происхождения Александру Вату, ставила перед собой задачу ответить на вопрос: насколько типична была его судьба по отношению к польскому еврейству в 30-ые — 50-ые годы XX века.

Для ответа на этот вопрос в первой главе мы подробно проанализировали биографию Александра Вата, особенно пристально концентрируя наше внимание на событиях, происходивших с ним в указанный период. Интерес для нас также представлял его собственный анализ этих событий, личные впечатления и воспоминания, рефлексия о собственном еврействе, вере и истории.

В этом анализе мы опирались в основном на устные воспоминания А. Вата, зафиксированные его другом и коллегой Ч. Милошем, а также на некоторые его литературные произведения и воспоминания его жены Ольги Ват. Безусловно, такие источники имеют свои особенности, которые мы постарались учитывать в своей работе.

Надо отметить, что данная фигура была выбрана нами для сравнительного анализа не случайно. Судьба А. Вата представлялась нам и уникальной, так как на его долю выпало множество испытаний и он был свидетелем и участником множества значительных исторических событий, и типичной одновременно. Мнения, что Ват символизирует собой человека двадцатого века, придерживались и некоторые его современники. Чеслав Милош, например, утверждал, что «на всей земле не было ни одного человека, кроме Вата, который бы так пережил это столетие, как он, и так, как он, это прочувствовал»⁵⁶.

Во второй главе мы постарались провести обзор положения польского еврейства в указанный период, начав с необходимой исторической справки об истории Польши. Мы остановились подробнее на характеристике

⁵⁶ *Miłosz Cz. Przedmowa // Wat A. Mój wiek. pamiętnik mowiony. — Warszawa. 1998. — Т. 1. — S. 14.*

существовавших еврейских сообществ, отметив их разнообразие и неоднородность. Далее мы обратились к статистическим данным, используя данные переписей, проводившихся в Польше в 1921 и 1931 годах. Мы останавливались подробнее на экономическом и социальном положении польских евреев, вопросе их идентичности. Наконец, последним пунктом данной главы мы рассматривали отношение к еврейскому вопросу в Польше этого периода.

Третья и последняя глава настоящего исследования посвящена сравнению судьбы Александра Вата и судеб польского еврейства в 30ые-50ые годы XX века. Это сравнение проводилось по нескольким определяющим пунктам, таким как происхождение, род занятий, экономическое положение, отношение к религии и традиции, а также политические симпатии.

В результате этого анализа мы пришли к выводу, что судьбу А. Вата нельзя назвать абсолютно типичной для польского еврея этого исторического периода, она отлична от судеб подавляющего большинства. Однако он представляет определённую прослойку внутри еврейского общества — польскую еврейскую интеллигенцию, и как раз для этой группы, пусть немногочисленной среди еврейского населения Польши, его судьба является весьма показательной.

В данной работе мы были вынуждены оставить за рамками рассмотрения многие интереснейшие аспекты, такие, например, как взаимоотношения Вата и русской культуры, так как не все из них оказалось возможно осветить в рамках одного исследования и зачастую они требуют отдельного углублённого изучения и заслуживают стать темой ещё нескольких работ.

БИБЛИОГРАФИЯ

Источники

1. *Британишский В., Астафьева Н. (ред.)* Польские поэты XX века: антология. — Т. 1. — Санкт-Петербург: Алетейя, 2000.
2. *Ват А.* Мой Век: устные мемуары, фрагменты книги. / Пер. Н. Каменевой; вступ. ст. Ч. Милоша. // *Иностранная Литература*. — 2006. — №5.
<http://magazines.russ.ru/inostran/2006/5/vat5.html>
3. *Ват А.* О России: из переписки. / Пер. Н. Горбаневской // *Новая Польша*. — 2012. — №10. <http://www.novpol.ru/index.php?id=1774>
4. *Ват А.* Стихи. / Пер. Н. Астафьевой. // *Иностранная Литература*. — 1996. — №11. <http://magazines.russ.ru/inostran/1996/11/vat.html>
5. *Ват А.* Стихотворения. // *Новая Польша*. — 2000. — №5.
6. *Wat A.* Bezrobotny Lucyfer. — Warszawa: F. Hoesick, 1927.
7. *Wat A.* Dziennik bez samogosek. — London: Polonia, 1986.
8. *Wat A.* Korespondencja. — Warszawa: Czytelnik, 2005.
9. *Wat A.* Lucifer unemployed. / Translated by L. Vallee. — Evanston: Northwestern University Press, 1990.
10. *Wat A.* Mediterranean Poems. / Edited & translated by Cz. Miłosz. — Ann Arbor: Ardis, 1977.
11. *Wat A.* Mój wiek: pamiętnik mówiony. / Przedm. Cz. Miłosz; do dr. przygot. L. Ciołkoszowa. — Londyn: Polonia Book Fund, 1977.
12. *Wat A.* My Century: the odyssey of a Polish intellectual. / Edited by R. Lourie. — Berkeley: University of California Press, 1988.
13. *Wat A.* Świat na haku i pod kluczem: eseje. — London: Polonia, 1985.
14. *Wat A.* Wiersze. — Kraków: Wydawnictwo Literackie, 1957.
15. *Wat A.* With the skin. / Translated and edited by Cz. Miłosz and L. Nathan. — N. Y.: Ecco Press, 1989.
16. *Watowa O.* Wszystko co najważniejsze: rozmowy z Jackiem Trznadlem. — London: Puls Publications, 1984.

Литература

1. *Дубнов С.М.* История евреев в Европе. — М.; Иерусалим: Гешарим/Мосты культуры, 2003.
2. *Дубнов С.М.* Новейшая история еврейского народа. — Том 3. — М.; Иерусалим: Гешарим/Мосты культуры, 2002.
3. *Кацва Л.А.* История Отечества. / Под науч. ред. В.Р. Лещинера. — М.: АСТ-ПРЕСС КНИГА, 2012.
4. *Коньо Жерар* Ват и Милош — свидетели истории. / Пер. Д. Каратеева. // *Сигов К.Б. (сост.)* Свидетельство: традиции, формы, имена. — Киев: Дух і літера, 2013. — С. 289–302.
5. *Кулик А.* История еврейского народа в России: от разделов Польши до падения Российской Империи. — Иерусалим: Гешарим, 2012.
6. *Милош Ч.* О Стихах Александра Вата. / Пер. В. Британишского — Иностранная Литература. — 1996. — №11.
7. *Мочалова В.* Александр Ват: 13 Тюрем. // *Смолянинова М.Г. (ред.)* Деятели Славянской Культуры в Неволле и о Неволле: XX Век. — М.: Индрик, 2006. — С. 165–182.
8. *Мочалова В.* Александр Ват: от футуризма к историософии. — Не опубликовано.
9. *Мочалова В.* Век Александра Вата. // *Славянский альманах.* — 2000. — С. 359–368.
10. *Мочалова В.* Юлиан Тувим, Александр Ват, Бруно Ясенский: драма польско-еврейско-русского пограничья культур. // *Будницкий О. (отв. ред.), О. Белова, В. Мочалова* Русско-еврейская культура. М.: РОССПЭН, 2006. — С. 127–157.
11. *Носкова А., Матвеев Г., Лыкошина Л. (ред.)* Польша в XX Веке: очерки политической истории. — М.: Индрик, 2012.
12. *Пашкевич А.В.* Взаимоотношения представительств евреев и славянских национальных меньшинств в парламенте межвоенной Польши в 1922–1927 гг. // *Материалы Двенадцатой Ежегодной Международной Междисциплинарной*

конференции по иудаике.— Москва: Сэфер, 2005. — Ч. 2. — С. 138–149.

13. *Пшебинда, Гж.* Читая Вата: воспоминания русиста. / Пер. Н. Горбаневской. // Новая Польша. — 2012. — №10.

<http://www.novpol.ru/index.php?id=1754>

14. *Ренц Р.* Евреи польских местечек.

<http://www.berkovich-zametki.com/2014/Zametki/Nomer4/Sokol1.php>

15. *Родионов П. (ред.)* СССР и Польша: интернациональные связи, история и современность. — М.: Институт рабочего движения, 1977.

16. *Хобсбаум Э.* Нации и национализм после 1780 г. — Спб.: Алетейя, 1998.

17. *Эттингер Ш. (ред.)* История еврейского народа. — М.; Иерусалим: Мосты культуры, Гешарим, 2001.

18. *Applebaum Anne* Iron Curtain: The Crushing of Eastern Europe 1944–56. — London: Allen Lane, 2012.

19. *Barańczak St.* Four Walls of Pain: The Late Poetry of Aleksander Wat. // The Slavic and East European Journal. — 1989. — Vol. 33. — No. 2. — Pp. 173–189.

20. *Baumgarth Ch.* Geschichte Des Futurismus. — Reinbek b. Hamburg: Rowohlt, Tashenbuch-Verlag, 1966.

21. *Berghaus G.* Futurism and Politics: between anarchist rebellion and fascist reaction, 1909–1944. — N. Y.: Berghahn Books, 1996.

22. *Biskupski M.B.* The History of Poland. Westport, London: Greenwood, 2000.

23. *Chodakiewicz Marek Jan* After the Holocaust: Polish-Jewish Conflict in the Wake of World War II. — N. Y.: Columbia University Press, 2003.

24. *Chodakiewicz Marek Jan* Between Nazis and Soviets: occupation politics in Poland, 1939–1947. — Lanham: Lexington Books, 2004.

25. *Freise M., Lawaty A.* Aleksander Wat und «sein» Jahrhundert. — Wiesbaden: Harrassowitz, 2002.

26. *Gutman Yisrael, Ezra Mendelsohn, Jehuda Reinharz, Chone Shmeruk (editors)* The Jews of Poland between two world wars. — Waltham: Brandeis University Press, 1989.

27. *Heller Celia S.* On the edge of destruction : Jews of Poland between the two World Wars Detroit : Wayne State University Press 1994
28. *Hlond A.* Na strazy sumienia narodu. — NJ: Ramsey, 1951.
29. *Krajewski Stanisław* Poland and the Jews: reflections of a Polish Polish Jew. — Kraków: Austeria, 2005.
30. *Leslie, R. F. (ed.)* The History of Poland since 1863. — Cambridge: Cambridge U. Press, 1980.
31. *Lewinski-Corwin Edward Henry* The Political History of Poland. — N. Y.: The Polish book importing company, 1917.
<https://archive.org/details/politicalhistory00corwiala>
32. *Markov V.* Russian Futurism: a history. — Berkeley: University of California Press, 1968.
33. *Mendelsohn E.* The Jews of East Central Europe between the World Wars. — Bloomington: Indiana University Press, 1983.
34. *Miłosz Cz.* Przedmowa // *Wat A.* Mój wiek. pamiętnik mowiony. — Warszawa. 1998. —T. 1. — S. 2–14.
35. *Nikžentaitis Alvydas, Stefan Schreiner, Darius Staliūnas (editors)* The Vanished World of Lithuanian Jews. — Amsterdam; N. Y.: Rodopi, 2004.
36. *Paluch Andrzej K. (ed.)* The Jews in Poland. — Vol. 2. — Cracow: Jagiellonian University, 1999.
37. *Pogonowski Iwo* Cyprian Jews in Poland: a documentary history. — N. Y.: Hippocrene books, 1993.
38. *Pogonowski Iwo* Poland: a historical atlas. N. Y.: Hippocrene books, 1987.
39. *Polonsky Antony* The Jews in Poland and Russia. — Volume 3: 1914-2008. — Oxford; Portland: Littman Library of Jewish Civilization, 2011.
40. *Polonsky Antony* Politics in independent Poland 1921-1939: the crisis of constitutional government. — Oxford: Clarendon Press, 1972.
41. *Pyzik T.* Predestynacja w twórczości Aleksandra Wata. — Gliwice: Gliwickie Towarzystwo Szkolne im. Janusza Korczaka, 2004.
42. *Rzepeccy T. i W.* Sejm i Senat 1922–1927. — Poznań, 1923.

43. *Tighe C.* The Polish Writing Profession: 1944–56. — Contemporary European History. 1996. — Vol. 5. — No. 1. — Pp. 71–101.
44. *Venclova T.* Aleksander Wat: life and art of an iconoclast. — New Haven: Yale University Press, 1996.
45. *Vital David* A People Apart: a political history of the Jews in Europe 1789–1939. — Oxford: Oxford University Press, 2001.
46. *White J. J.* Literary futurism: aspects of the first avant-garde. — Oxford: Clarendon Press, 1990.
47. *Zajczkowski R.* Aleksander Wat's "Leap from Poetry into Politics." // The Polish Review. — 2005. — Vol. 50. — No. 4. — Pp. 399–423.
48. לבנת, א. סכין בבטן: על פוטוריזם בזירה הפולנית-יהודית. — בצלאל. (Ливнат А. Сакин ба-бетен: аль футуризм бе-зира ха-поланит-йехудит. — Бецалель). — 2011. — №19.

<http://bezalel.secured.co.il/zope/home/he/1292052032/1292052076>

ПРИЛОЖЕНИЕ

W czterech ścianach mego bólu
nie ma okien ani drzwi.
Słyszę tylko: tam i nazad
chodzi strażnik za murami.

В четырёх стенах моей боли
Нет окон или дверей.
Слышно только: туда и обратно
Ходит охранник за стенами

Odmierzają ślepe trwanie
jego głuche puste kroki.
Noc to jeszcze czy już świt?
Ciemno w moich czterech ścianach.

Измеряют степень тишины
Его глухие пустые шаги.
Это ещё ночь или уже день?
Темно в моих четырёх стенах.

Po co chodzi tam i nazad?
Jakże kosą mnie dosięgnię,
kiedy w celi mego bólu
nie ma okien ani drzwi?

Зачем он ходит туда и обратно?
Как же мне дотянуться,
Когда в камере моей боли
Нет окон или дверей.

Gdzieś tam pewno lecą lata
z ognistego krzaka życia.
Tutaj chodzi tam i nazad
strażnik — upiór z ślepą twarzą.

Где-то там, конечно, летят года
И горит куст жизни.
Здесь — ходит туда-сюда
Охранник — призрак со слепым лицом.

Mentona, luty 1956

Niemало zwiedziłem piekieł,
 niemало przebiegłem krajów,
 nigdzie nie było mi tak dobrze
 jak tu na tym ptasim wyraju
 pod tą różową skałą
 nad tą zieloną falą.

Wiele wód przepłynęło,
 godzin minęły wieki,
 nigdy nie było mi tak dobrze
 jak tu na skrzydle twojej opieki
 pod tym błękitnym niebem
 pod tym wysokim drzewem.

Choć ból jest w każdym oddechu
 nie płacz, niebogo —
 nigdy nie było mi tak dobrze,
 nigdzie nie było mi tak błogo!

1 maja 1956 w Mentonie

Немало ландшафтов ада,
 Немало пробежал стран,
 Нигде не было мне так хорошо,
 Как в том заморском краю,
 Под той розовой скалой,
 Над той зелёной волной.

Много вод утекло,
 Лет минули — века,
 Нигде не было мне так хорошо,
 Как под крылом твоей заботы,
 Под тем белым небом,
 Под тем высоким деревом.

Хотя боль есть в каждом вздохе,
 Не плачь, любимая, —
 Нигде не было мне так хорошо,
 Нигде не было мне так блаженно.

Echolalie

Z początku myślałem, że to morza echolalia
 powtarza zawsze ten sam — jeden głos, jedno słowo w
 różnych modulacjach
 gniewu, bólu, tryumfu, wzdargy, rozpacz, adoracji —
 ciągle ten sam — jeden głos, jedno słowo.

Potem odróżnić uczyłem się cierpliwie głos i słowo
 każdej fali.

Teraz znów słyszę jeden tylko głos jeden głos jeden
 jedno słowo
 woła mnie
 dokąd?

Сначала я думал, что это море эхолает,
 Повторяет один и тот же голос, одно слово,
 В разных модуляциях

Гнев, боль, триумф, презрение, отчаяние,
 обожание —

Всё одним и тем же голосом, одним словом.
 Потом терпеливо слушал различные голоса и
 слова каждой волны.

Теперь снова слышу один только голос, один,
 Одно слово,
 Зовёт меня,
 Куда?

Schodzenie
 schodzenie
 ciągle schodzenie
 I żebym to ja sam!
 w zaciszu, po ciemku.
 Te przede mną, za mną
 obok nogi
 przeganiają
 ten stukot butów, to dudnienie
 w metro Châtelet?
 Tylko jeden nieruchomy
 beznogi akordeonista charon.
 I gdzie ja się zabląkałem?
 Eurydyce? Eurydyce?
 Schodzenie
 Schodzenie
 ciągle schodzenie
 ciągle w dół
 schodzenie
 a jutro stwierdzą
 to tylko trzy łokcie pod ziemią.
 31 maja 1967

Спуск
 Спуск
 Ещё спуск
 И если бы это я сам!
 В забыты, в темноте,
 Передо мной, за мной,
 Около ног,
 Перегоняя,
 Стук обуви, грохот,
 В метро Шателе?
 Только один неподвижен
 Безногий аккордеонист, харон.
 И где я заблудился?
 Эвридика? Эвридика?
 Спуск
 Спуск
 Ещё спуск
 Ещё вниз
 Спуск
 А завтра все скажут,
 Что это только лишь три локтя под землёй.